

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научный обзор
УДК: 349

В. В. Балытников*, **В. В. Глухов****

ЦИФРОВАЯ СЕТЕВАЯ МЕДИА-ВЛАСТЬ: КАК ОГРАНИЧИТЬ ПОТЕНЦИАЛЬНО БЕЗГРАНИЧНОЕ (обзор дискуссии, состоявшейся в рамках X Петербургского юридического форума)

***Аннотация.** В настоящее время во всем мире набирают силу научные дискуссии, касающиеся проблем определения подлинно эффективных форм и методов правового регулирования социальной власти, которую предоставляет обладание гигантскими массивами данных, аккумулируемых, анализируемых и используемых в цифровой сетевой среде. Современные технологии позволяют выстроить на основе такого рода данных хорошо замаскированные алгоритмизированные механизмы информационного управления поведением как населения в целом, так и каждого отдельного пользователя современной глобальной сети. Существующая правовая среда оказалась не готова к реальному решению такого рода проблем — причем не только потому, что она вовремя не осмыслила их доктринально, но и потому что она оказалась не подготовлена с инструментально-технологической точки зрения. Разработанные формы и методы правового регулирования отстают от процессов информатизации. Авторы приходят к выводу о том, что необходимо регулировать цифровую сетевую медиа-власть с помощью адекватных ее природе цифровой сетевой программно-аппаратной правовой среды средств онлайн-контроля, анализа ситуаций и вынесения правовых решений.*

Ключевые слова: медиа-власть, правовое регулирование, правовые ограничения власти, СМИ, социальные сети, цифровизация.

Для цитирования: Балытников В. В., Глухов В. В. Цифровая сетевая медиа-власть: как ограничить потенциально безграничное // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 4. С. 113—120.

* Балытников Вадим Владимирович — кандидат юридических наук; директор, Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления Академии социального управления (Москва, Россия); balytnikov@mail.ru

** Вадим Витальевич Глухов — научный сотрудник, Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления Академии социального управления (Москва, Россия); per04@mail.ru

© Балытников В. В., Глухов В. В., 2022.

На юбилейном X Петербургском Международном юридическом форуме (ПМЮФ) состоялась дискуссия по теме «Цифровая сетевая медиа-власть: как ограничить потенциально безграничное». В рамках дискуссии председатель комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук **А. А. Клишас** отметил, что «у нас в сути вообще никакого законодательства, которое регулировало бы данную сферу, по большому счету нет сегодня. У нас даже не решен основной вопрос: мы вообще не понимаем, что такое некий цифровой профиль человека». Схожую позицию озвучила и начальника Управления Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи **Т. В. Матвеева**. В частности, в своем выступлении она отметила, что «люди не совсем осознают то новое цифровое пространство, в котором они оказались, потому что отсутствует понимание того, что это другое пространство и там по-другому ведется взаимодействие и следы, которые там остаются, они никуда не исчезают в отличие от следов на асфальте». Неудивительно, что, как отмечали практически все участники дискуссии, российские граждане толком не понимают, кому принадлежат их персональные данные. Далекий от своего решения базовый с точки зрения правового регулирования вопрос — о нахождении баланса между пространством личной свободы в области персональных данных и той его сферой, которая может быть отчуждена для использования ее в коммерческих или публичных целях.

По мнению А. А. Клишаса, мировой опыт дает нам три модели правового регулирования данных в условиях цифровой медийно-сетевой среды. Существует, условно говоря, *англосаксонская модель*, где все персональные данные, по существу, принадлежат корпорациям. Согласно *континентальной модели*, персональные данные принадлежат человеку, и Россия развивается в рамках этой модели, хотя у нас в этом вопросе нет ни правового, ни политико-правового окончательного решения. Выделяется и *китайская модель*, при которой все указанные данные фактически принадлежат государству.

В рамках заседаний секций ПМЮФ были представлены данные социологически опросов, согласно которым 84% опрошенных россиян опасаются утраты контроля над своими данными, их утечки через глобальную сеть и попадания в руки лиц и организаций, способных причинить вред опрошенным гражданам. Эти опасения вполне обоснованы. Как верно отметил один из основателей российской IT-индустрии, генеральный директор компании «Крибрум» **И. С. Ашманов**, понятие «“обезличивание”, “анонимизация” данных очень популярно — но на самом деле является довольно большой ложью ... Никто ничего

реально не обезличивает, и, как правило, у всех компаний, которые эти данные собирают, всегда есть механизм деобезличивания (деанонимизации). ... Аудит потоков данных, куда они реально передаются и в каком виде — сейчас вообще отсутствует». Более того, участники ПМЮФ неоднократно отмечали, что представители так называемого «информационного класса» (владельцы, менеджеры и администраторы тех или иных сегментов цифровых массивов данных и цифровой медиа-среды в целом) на практике считают и эти данные, и саму их среду своим собственным неотъемлемым достоянием.

Многие докладчики обратили особое внимание на борьбу с цифровой преступностью в традиционно сложившемся значении этого понятия. Так, Уполномоченный по правам человека в Приморском крае **Ю. Б. Мельников** привел данные, согласно которым до 40% преступлений в стране связаны с цифровизацией. При этом выступивший отметил, что «в нынешних условиях разрушения международных правовых механизмов защиты прав и свобод на первый план выходят внутренние правозащитные нормы, институты и структуры».

Заместитель директора департамента международной информационной безопасности МИД РФ **Д. В. Букин** отметил, что в настоящее время обсуждается вопрос о необходимости в киберпространстве «борьбы не только с собственно компьютерными преступлениями, но и с преступлениями, совершаемыми посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)». «Преступления первой группы составляют около 1,5% от всех преступлений, совершенных в информационной сфере. И ведущие страны Запада предлагают бороться только с ними», — заявил начальник организационно-правового управления Генеральной прокуратуры РФ **С. В. Плохов**. Однако, например, в своем выступлении Чрезвычайный и Полномочный Посол ЮАР в России **Мзувукиле Джефф Макетука** обратил особое внимание на то, что «кибертерроризм в настоящее время стал более изощренным, Интернет используют не только для вербовки террористов и др., но и для вывода из строя инфраструктур, которые зависят от информационно-коммуникационных технологий».

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук **В. Д. Зорькин** в своей лекции «Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности» отметил, что «фактически Западом против России развязана беспрецедентная гибридная (или, точнее, системная) война: на поле боя, в военно-промышленном комплексе, экономике, политике, культуре, спорте, науке, образовании, СМИ и киберсреде». Следует согласиться с его словами о том, что «нам необходимо коренным образом реформировать российскую систему массового образования и воспитания. Без чего нам просто не удастся решить поставленные задачи форсированного

и опережающего технологического развития страны, невозможно обеспечить глубокую и широкую мобилизацию граждан на предстоящую, признаем честно, большую борьбу...». Представляется совершенно очевидным, что все это неизбежно должно будет охватить собой и цифровую сетевую медиа-среду.

Выражаясь словами заместителя министра юстиции РФ **М. М. Бесхмельницина**, пока «право отстаёт». Но оно не может не отставать, причем не только в своей охранительной, но и в своей статически регулятивной и динамически регулятивной составляющей. В выступлениях ряда высокопоставленных участников Х ПМЮФ нашла свое отражение многократно высказанная классиками отечественного права **О. Е. Кутафин**ым и **В. С. Нересесянцем** идея о том, что конституционный «запрет» обязательной (и в частности — государственной) идеологии в нашей стране не просто не исключает, а напротив — с неизбежностью предполагает наличие в ней закрепляемой ее Основным Законом «конституционной идеологии». Так, министр юстиции РФ **К. А. Чуйченко** высказал мнение о том, что указанная идеология, по сути дела, нашла свое развернутое отражение в принятой в 2020 г. поправке к Конституции Российской Федерации, а Председатель Следственного комитета Российской Федерации **А. И. Бастрыкин** отметил особую важность внесенных указанной поправкой новых социально ориентированных положений Конституции, являющихся яркими примерами насыщения конституционного текста конструктивной, созидательной правовой идеологией. Выражаясь же словами **А. А. Клишаса**, основополагающей идейно-мировоззренческой опорой для нашего общества в настоящее время становится прежде всего собственная культурная, правовая, религиозная, историческая традиция.

Именно опора на такого рода традицию позволит уже в самой ближайшей перспективе если не прекратить, то радикально сократить «отставание» отечественного права от регулируемых им реалий. Прежде всего, как верно отметила вице-президент Федеральной палаты адвокатов **Е. Г. Авакян**, в общество должно прийти полное понимание того, что «цифровизация ... есть нормальный, естественный ответ на вызов. При этом она, безусловно, не может и не должна сопровождаться утратой связи с реальным (невиртуальным) миром, ибо цифровизация, правильно осуществленная, — это прогресс, а не деградация». Заместитель министра юстиции РФ **А. В. Логинов** заявил, что «Интернет — это реальный дракон, который разрушает национальные, в том числе правовые системы». Но очевидно, что «драконом-разрушителем» здесь все же является вовсе не глобальная сеть как таковая, а те, кто использует ее в своих разрушительных целях.

Как отмечает ответственный секретарь Парламентской Ассамблеи ОДКБ **С. В. Поспелов**, «мы видим, что идет информационная война». По

его мнению, «основная проблема состоит не в том, что мы не знаем, как бороться с цифровой сетевой внешней информационной агрессией, а в том, что на международных площадках нам сегодня не хватает инструментов для общих правил игры, единого законодательства, сближения».

Совершенно понятно, что, как верно заключил вице-президент группы компаний «Цитадель» **Б. Н. Мирошников**, «должна быть профессиональная подготовка и знания, материальная и юридическая база. Большой комплекс мер надо предпринять, и это должны быть усилия всего человечества». Строго говоря, в данном случае Российская Федерация находит у большинства стран так называемого «третьего мира» полное понимание своих устремлений. Президент Ассоциации юристов Индии **Кумар Прашант** заявил, что весь мир готов вести диалог с Россией — ибо этот мир предпочитает стоять на позициях «баланса и здравого смысла».

В своем обращении к участникам X ПМЮФ Президент Российской Федерации **В. В. Путин** абсолютно верно сказал, что «многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер. И позиция России, многих других стран заключается в том, что такое демократическое, более справедливое мироустройство должно выстраиваться на основе взаимного уважения и доверия... Российская же повестка дня в международных делах всегда была и остается конструктивной. Мы развиваем многополярные отношения со всеми, кто в этом заинтересован...»

Помимо организационно-правовых в этой сфере существуют и не менее значимые проблемы технического и технологического плана. Так, к примеру, партнер московского офиса «Бейкер Макензи» **В. Ефремов** отмечает проблему трудно расторжимой общности ИТ-систем. Ведь «если ИТ-система “хостится” где-то за рубежом, это тоже образует (фактическую и юридическую) привязку к той или иной юрисдикции».

Как верно заметил академический руководитель образовательной программы «Цифровое право» НИУ ВШЭ **А. И. Савельев**, «для того чтобы эффективно решать задачи, на которые нет готовых ответов... нужно действительно обладать фундаментальными знаниями — и это необходимо для того, чтобы делать это быстро. Увы, надлежащих специалистов в сфере цифровой трансформации и сетевых медиа-технологий в нашей стране критически не хватает». Первый заместитель председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству **И. В. Рукавишникова** отметила нехватку в масштабах России порядка 1 млн специалистов в этой сфере. Разумеется, как верно указал практикующий юрист **М. Чирагов**, не менее важное значение для содержательного решения проблем лимитации цифровой сетевой

медиа-среды имеет и обратная связь (без надлежащего потока данных в рамках которой крайне сложно выстраивать качественные структуры или качественные процессы в сфере цифровой трансформации).

Один из разработчиков Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека **В. А. Фадеев** не только категорично заявил, что «риски, в том числе касающиеся прав и свобод граждан в этом цифровом пространстве, весьма велики», но и открыто сказал: «я занимаю почти радикальную позицию, считаю, что здесь нужны весьма серьезные, жесткие действия». Он отметил сущность указанного явления — цифровой сетевой медиа-власти. «Власть же эта, не будучи подвергнутой надлежащим правовым ограничениям, по своей природе способна сползти к невиданному тоталитаризму». Речь идет прежде всего об угрозе «тотального расчеловечивания» цифровой сетевой медиа-среды, о распространяющихся в среде «цифровой элиты» с катастрофической скоростью идеях и практиках сведения людей к одномерному восприятию оных в виде «цифровых векторов», для которых цифровой класс владельцев, менеджеров и администраторов тех или иных сегментов цифровой среды может в ручном или автоматическом режиме частично или полностью формировать все направление их действий на протяжении всей жизни. Особую же опасность представляет собой тотальная масштабируемость указанных схем хоть на население отдельных стран, хоть на все человечество в целом. Вопросы практически абсолютной технической и технологической достижимости описанных выше «эффектов» подробно раскрыл в своих выступлениях активный член возглавляемого В. А. Фадеевым Совета И. С. Ашманов.

Оставляя несколько в стороне достойную отдельного материала дискуссию о правовых формах защиты от соответствующей угрозы (в том числе и озвученную И. В. Руковишниковой идею создания «комплексного нормативного-правового акта», условно говоря — Цифрового или Информационного Кодекса), сосредоточимся на содержательных аспектах соответствующей защиты.

Прежде всего представляется самоочевидным тот факт, что единственной силой, способной защитить от подобного рода «информационных технологий массового поражения», является государство. И справиться с означенными выше угрозами (которые в конечном итоге находятся в сфере отношений «человек — машина») государства смогут лишь при помощи применения все тех же «машин» — т. е. цифровых, сетевых программно-аппаратных комплексов средств, приемов и методов, позволяющих не только осуществлять цифровую трансформацию общества, но и держать ее под надлежащим контролем государства. При этом необходимо понимать, что никакого иного

(кроме государства) субъекта эффективного социального контроля в данной сфере нет и в принципе быть не может.

Один из авторов данной статьи кандидат юридических наук **В. В. Балытников** в своем выступлении на посвященной проблемам правотворчества и правоприменения секции ПМЮФ предложил рассмотреть вопрос о создании электронного (цифрового) свода законов, который (по своей системности и, следовательно, кумулятивному синергетическому усилению регулятивного потенциала) мог бы превзойти вершину современной «бумажной» (исходно «бумажной», а реально давно уже электронно-цифровой) кодификации. Однако данное предложение не встретило особого понимания у большинства участников секции. Никакой компьютер в законотворческом процессе не может заменить человека — заявил начальник государственно-правового управления администрации Ульяновской области **А. С. Преображенский**. Еще более резко выказалась начальник Правового управления Аппарата Совета Федерации **Е. Ю. Егорова**, отметив, что «юридическая экспертиза — искусство, которое невозможно будет подвергнуть цифровой трансформации. Мое глубокое убеждение, что только человек, его профессиональные знания, его интеллект смогут справиться с этой работой». Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе **Д. Ф. Вяткин** высказал мнение о том, что в настоящее время вполне достаточно частных кодификаций, проводимых силами отечественных справочно-правовых информационных систем (по уровню развития которых Россия еще с начала XXI в. занимает одно из первых мест в мире).

Думается, однако, что отвержение концептов цифрового (осуществляемого в тандеме «человек — информационная система с искусственным интеллектом») правотворчества и правоприменения — однозначно проигрышная стратегия. Как верно отметил председатель комиссии по правовому регулированию обеспечения цифровой экономики Ассоциации юристов России, сооснователь Moscow Digital School **А. В. Журавлев**, в современном мире идет принципиально неостановимая автоматизация процессов — как процессов, которые происходят внутри компаний, так и процессов государственных. «Правительство и предприятия переходят на электронные системы, что приводит нас к необратимому переходу к всеохватывающей цифровой информационной сети», — заявил посол ЮАР в России М. Дж. Макетука. При этом невозможно не согласиться с мнением Е. Г. Авакян о том, что «человеческий разум не позволит человеческому праву превратиться в право машинное». Этим мнением хотелось бы завершить настоящий обзор.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 01.09.2022

Vadim V. Balytnikov*, Vadim V. Glukhov**

**DIGITAL NETWORK MEDIA-POWER: HOW TO LIMIT
THE POTENTIALLY LIMITLESS (review of the discussion held
within the X St. Petersburg Legal Forum)**

***Abstract.** Today, scientific discussions are gaining strength all over the world concerning the problems of determining truly effective forms and methods of legal regulation of social power, which is provided by the possession of gigantic global data arrays accumulated, analyzed and used in a digital network environment. In fact, modern technologies make it possible to build, on the basis of this kind of data, perfectly disguised algorithmic mechanisms for information management of the behavior of both the masses of people and each individual user of the modern Global Network. The existing legal environment turned out to be unprepared for a real solution to such problems — not only because it did not comprehend them doctrinally in time, but also because it turned out to be unprepared from an instrumental and technological point of view. The existing forms and methods of legal regulation (the current provisions of regulations and sanctions for their violation) are almost universally ignored by the real subjects of digital network media power (that is, the «digital class» of aggregators, owners and administrators of «big data»). Apparently, the time has come to regulate digital network media power with the help of a digital, network software and hardware legal environment adequate to its nature of online control, analysis of situations and making legal decisions (including in real time). The technical and technological means that make up this environment will not replace lawyers, just as neither typewriters nor computers have replaced the head and hand of a writer.*

Keywords: digitalization, legal limitations of power, media, media power, social networks.

For citation: Balytnikov, V. V. and Glukhov, V. V. (2022). Digital network media-power: how to limit the potentially limitless. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 4, pp. 113–120 (in Russ.).

The article was submitted 28.03.2022; approved 30.08.2022; accepted 01.09.2022

* Ph. D. (Law), Director and Leading Researcher, Center Territorial Government and Self-Government (Moscow, Russia)

** Deputy Director and Researcher, Center for Territorial Government and Self-Government (Moscow, Russia)